

Татьяна Абалова
Скажи мне «нет»,
любимая

Татьяна Абалова

Скажи мне «нет», любимая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72325636

SelfPub; 2025

Аннотация

Никогда не ссорься с ведьмой, если не хочешь получить проклятие и превратиться в волка. Никогда не обижай женщину, если только она может тебя спасти. Лорд Стефан Хорр – властный хозяин Закряжя, пренебрег правилами. Теперь каждое «да», услышанное им из уст красавиц, метящих в жены, ведет его к гибели. Найдется ли хоть одна, что скажет богачу и сердцееду «нет»?

- ♥#Страшные тайны и заковыристые проклятия
- ♥#Ошибки молодости, которые нужно исправить
- ♥#Пощечина от обиженной женщины
- ♥#От ненависти до любви один шаг, или два. Как повезет
- ♥#Кто из них чудовище, еще предстоит выяснить
- ♥#Счастливое завершение предновогоднего приключения

Содержание

Глава 1. Завещание дядюшки	4
Глава 2. Проклятие старой ведьмы	12
Глава 3. Рождение зверя	21
Глава 4. Мытарства	29
Глава 5. Долги детства	38
Глава 6. Сотня чертовых «да»	47
Глава 7. Зар-раза	56
Глава 8. В гнезде Кречетов	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Татьяна Абалова

Скажи мне "нет", любимая

Глава 1. Завещание дядюшки

Стефан Хорр – тридцатилетний холостяк и наследник знатного рода, стоял на открытом балконе своего замка и напряженно всматривался вдаль. Ледяной ветер шевелил волосы и пытался забраться под рубашку, но Стефан его не замечал, как не замечал и того, что начался снег. Крупные хлопья плавно опускались на широкие плечи, таяли на лице и ладонях, с силой сжимающих мраморные перила. До полной смены года осталось всего ничего.

У подножия замка раскинулся принадлежащий роду Хорр город Веркон. Слышались вопли попрошаек, что, словно клопы, облепили ступени, ведущие в обитель бога. Прозревший слепой дрался за брошенный медяк с чудом исцелившимся калекой. И второй выигрывал, охаживая костылем бока товарища.

Со стороны реки доносились крики торговцев, пытающихся сбыть товар до наступления сумерек. Кружились и горланили вороны, устраиваясь на ночь. Но хозяин замка не слышал городского шума. Его голова была занята тяжелыми думами.

Лишь когда звонарь ударил в колокол, призывая горожан на вечернюю службу, оцепенение со Стефана спало.

Он моргнул и огляделся. Поежился, только сейчас понимая, насколько сильно замерз. Сунув руки в карманы суконного камзола, вернулся в теплое помещение, откуда всего полчаса назад выскочил, пылая жаром ненависти. На ковре у горящего камина так и валялось письмо, которое он получил еще утром, но распечатал только сейчас.

Стефан ненавидел дядюшкины наставления. Единственный родственник, оставшийся от некогда огромного и обладающего поистине королевской властью рода, любил допытывать племянника нудными нравоучениями. И непременно в конце каждого письма он находил приписку, сделанную красными чернилами, чтобы подчеркнуть нетерпение отправителя: «Когда ты женишься?».

Племянник понимал, что дядя беспокоится, как бы род не прервался на его нерадивом родственнике. Но разве Стефан виноват, что поразившая столицу болезнь унесла всех до одного отпрысков герцога Галлета? Тому ничего не оставалось делать, как записать в наследники сына сестры.

Горный кряж, высокой стеной отделявший большую часть Кардеры от земель, принадлежащих Стефану и носящих соответствующее название Закряжье, задержал болезнь. Ученые мужи, присланные из столицы, так и не нашли причину, почему зараза, выкосившая половину королевства, лихо перемахнув перевал, вдруг сошла на нет. Словно кто-то мо-

гушественный провел черту, которую хворь так и не смогла преодолеть.

Десять лет Стефан кормил родственника завтраками, находя разные причины, почему ему невозможно жениться. То отвлекала учеба в Военной академии (какой из курсанта муж?), то он отправился совершенствовать магические знания на Запад, резко отказавшись от воинской карьеры, а то просто отмалчивался.

Вот и сегодня Стефан ожидал прочесть желчные слова старика, упрекающего его за непослушание, но увидел чужой почерк. Дядюшка умер. Рука племянника начала по старой привычке творить крест, но опустилась, не завершив отточенного с детства движения. И нет, не потому, что дядя не достоин был сего малого действия, а потому...

Тут Стефан застонал в голос и, обхватив голову руками, рухнул в кресло. Тайна, хранимая хозяином величественного замка и всего Закряжья, не позволяла ходить в храм, и как следствие, невозможно было совершить брачный обряд.

Не быть ему герцогом Галлетом, не блистать при дворе с красавицей женой, не нянчить прелестных детей, которых он желал иметь дюжину, и все из-за ошибки, совершенной в глупой юности.

Дядюшка не простил молчания. Вместе с письмом пришла копия завещания, где почивший лорд Галлет обязал Стефана Хорра жениться до исхода года. Иначе и титул, и особняк в столице, и золото, отданное на хранение суровым

гномам – все отойдет в пользу короля.

А Вильхельм Второй, наверное, уже потирал руки. Как потирал их, когда после смерти родителей Стефана небольшой военной операцией присоединил Закряжье к Кардере. Не зря же письмо было доставлено с опозданием на три недели, хотя до того доходило дней за пять максимум. И осталось у Стефана времени, чтобы найти жену, всего-то неполных два месяца.

Даже с дядюшкой не дали попрощаться. Стефан прошептал бы мертвецу в ухо, почему так непочтительно относился к единственному родственнику. Теперь же он полная сирота. Родители погибли, когда он был еще незрелым юнцом, потом по одному ушли старшие родственники, следом кузины и кузены, и вот теперь не стало герцога Галлета.

Да, жил Стефан в безбедности. Владения приносили деньги, которых даже самому расточительному гуляке хватило бы до старости, но обидно было снова уступать свое кровное королю. Стефан до сих пор не мог простить ему подлости, когда тот воспользовался наивностью и бессилием мальчишки.

Теперь же Вильхельм Второй намеревался заграбастать состояние дядюшки и, что более обидно, его герцогский титул. Вокруг трона полно прихлебателей, только и ждущих, когда освободится какой-нибудь титул, за который они будут еще с большим усердием лизать зад короля.

Пришла пора двигаться дальше, а не прозябать в Закря-

жье. Не ему и не с его умом тухнуть в старом замке. Но проклятье никуда не денется, если Стефан так и будет сидеть сложа руки. Может, и неплохо, что дядюшка поставил условие? Стоит попробовать изменить свою жизнь?

— Мой господин, к вам лорд Фок, — в дверях появилась служанка. Не успела она услышать распоряжение, как была снесена другом Стефана.

— Ты опять предаешься меланхолии? — порывистый и подвижный, словно ртуть, Касл обнял выбравшегося из кресла хозяина замка.

Тот, похлопав приятеля по спине, сунул руки в карманы камзола и снова вернулся в кресло. С беспокойством посмотрел на перчатки, лежащие на подлокотнике, но друга больше интересовал ассортимент бутылок на винном столике.

За столько лет Касл привык, что у графа постоянно зябли руки, поэтому он держал их в карманах или надевал перчатки. Как Стефан объяснил, именно из-за этой особенности, появившейся после ранения, ему пришлось оставить военную службу. Друг только обрадовался. Теперь они могли видеться чаще.

Нельзя было представить двух более разных людей. Если Стефан отличался ростом, широкими плечами и фигурой атлета, то Касл был невысок и хлипок. Свои физические недостатки барон Фок компенсировал бьющей из него жизненной энергией.

Друзья отличались не только статью. Стефан являлся об-

ладателем густой шевелюры цвета воронова крыла, синих глаз, крупных и резких черт лица и считался среди дам жгучим красавцем и сердцеедом. Рядом с ним им виделись опасные приключения, где он непременно должен выступать в роли спасителя, а еще лучше – похитителя. Перчатки на руках даже в летнее время только добавляли загадочности.

В противовес другу Касл был любителем длинных волос. Его пепельного окраса тонкие и гладкие, словно шелк, пряди чаще вольно лежали на плечах, чем заплетались в косу или завязывались в хвост. Сероглазый, с утонченными чертами лица, он тоже был приятен дамскому обществу, но не как хищный красавец Стефан, а как милый котик, которого хотелось погладить и приголубить.

Они дружили еще со времен поступления в Военную академию. Касл не прошел отбор как раз из-за хлипкого телосложения, но дружба между ним и Стефаном продолжилась. По счастливой случайности они оказались соседями.

Крепость Фоков стояла на перевале. Когда-то она считалась пограничной, но после вхождения Закряжья в состав Кардеры сделалась ненужной и обнищала. Гарнизон был распущен, а каменная цитадель превратилась в постоянный двор, которым заправляла мать Касла. Денег хватало едва-едва, но Касл находил отдушину в доме у Стефана. Старая нянька хозяина замка его просто обожала. И при случае всегда баловала.

«Если бы можно было повернуть время вспять, и вы вновь

стали бы хорошенькой барышней, я непременно женился бы на вас», – говорил ей Касл, принимая очередной кафтан или нижнюю рубашку, где вышивка была сделана ее руками. Мамушка только улыбалась.

Уже никто в замке не помнил ее настоящего имени. С тех пор, как она появилась во владениях Хорр и приняла на себя заботу о малыше Стефане, все ее звали Мамушкой.

Касл прошел к столу и, щедро плеснув себе в бокал рубиновой жидкости, вернулся к камину. Сев в кресло, отпил немного и осмотрелся. Ничего не изменилось в замке с тех пор, как он появился здесь впервые. Ковры, гобелены, высокие и массивные подсвечники, мебель из орехового дерева, на потолке роспись знаменитого художника. Немалый отряд слуг содержал дом в чистоте и заботе. Хозяин намеренно оставил все так, как было при его родителях.

С портретов смотрели граф Хорр и его прелестная жена. Были и семейные картины, где у ног красивой пары сидел черноволосый малыш. Нежный и хорошенький. Трудно было представить, что из него мог вырасти вот этот жесткий мужчина.

– Я получил письмо от... дядюшки, – произнес Стефан, протягивая другу вторую часть послания – завешание.

– Ого! – Касл быстро уцепил важное. – Герцог достал своего нерадивого племянника даже с того света. Придется исполнить условие, иначе корона станет еще богаче. Вокруг тебя столько красивых женщин. Только скажи, что собираешь-

ся жениться, будут ломиться не только в дверь, но и в окна.

– Не все так просто, – Стефан прямо посмотрел на друга.

– Ты о проклятье старой ведьмы? Но это же была шутка и не более!

Друзья не раз возвращались к случаю, произошедшему, когда им обоим было по восемнадцать. Не дети, но еще и не совсем взрослые. Итог того давнего события стал чем-то вроде поговорки, которую упоминали, если вдруг почему-то не везло или дела неожиданно шли вкривь и вкось. «Чертова ведьма виновата!» – посмеиваясь, говорили друзья.

– Ты когда-нибудь пробовал посчитать, сколько раз я произнес «нет»? – Стефан подошел к камину. Неторопливо надел перчатки. Они всегда были под цвет одежды. Даже в этом он оставался франтом.

– Друг, ты серьезно? – Касл рассмеялся. – Я не верю, что ты принял всю ту ерунду, что она наговорила тебе, за правду.

– У меня есть основания верить, – Стефан развернулся к другу.

– Шутишь! Столько лет прошло, и вот, посмотри на себя – ты все тот же красавчик. Или у тебя вдруг выросли клыки?

Видя, что друг остается серьезным, Касл убрал бокал в сторону и выбрался из кресла. Подошел ближе и взгляделся в глаза Стефана.

– Что, правда?

– Все очень непросто.

Глава 2. Проклятие старой ведьмы

Собираясь с мыслями, Стефан вздохнул. Нелегко признаться в том, во что сам столько лет не верил.

– Я тебе не рассказывал, но однажды, когда дядюшка в очередной раз приказал жениться, я подумал, а почему бы и нет? Мне шел двадцать пятый год, а впереди выпуск и служба в пограничном гарнизоне, куда лучше отправляться с женой. Как раз накануне я встретил в храме красивую женщину. Ее волосы были словно золото, глаза лани, а голос... Я слышал пение ангелов.

– С пением ангелов поосторожней. Говорят, их голоса настолько ужасны, что человеческое ухо не способно их перенести, – Касл не удержался, чтобы не возразить.

Еще одна особенность друга, за что иногда его хотелось стукнуть. Начитавшись книг и альманахов – их привозили в крепость на перевале постояльцы, Касл старался блеснуть новыми знаниями. К месту или нет, но у него подгорало, если он не выскажется.

– Прости, – произнес Касл, увидев боль в глазах друга.

– Второй раз я встретился с Кларой, когда поехал в горы охотиться, – Стефан усмехнулся, вспоминая то время. – Она была верхом и совершенно одна. Мы улыбнулись друг другу. Я спросил, не страшно ли ей в безлюдных местах. Завязался разговор. Через неделю таких нечаянных встреч я влюбился.

А через месяц, перед тем, как отправиться в Академию, подумал, почему бы мне не сделать ей предложение? Выпускной курс, расставание было бы недолгим. По окончании Академии вместе с женой поехали бы на Западную границу.

— И что? Она согласилась?

— Клара ответила «да». Мы поцеловались, и я пообещал, что завтра же зашлю сватов. Я торопился, так как должен был вернуться в столицу. А ночью понял, что проклятье ведьмы никуда не делось.

Касл с ужасом уставился на друга. Хотя прошло более десяти лет, но в памяти друзей ярко жило воспоминание о том странном вечере.

Стефан приехал домой на каникулы после первого курса и сразу же зазвал к себе друга, чтобы познакомить с однокурсниками, которых тоже пригласил в гости. После жесткой муштры в Академии их ждал целый месяц разгульной жизни в Закряжье.

Город тоже готовился к встрече с хозяином. Лавочники, трактирщики, музыканты, а также женщины, не обремененные моралью, предвкушали, сколько будет потрачено денег молодым господином и его друзьями.

Ежедневные пиры, танцы, купание в реке, что омывала замок с трех сторон, полные любви ночи, встреча рассвета под пение соловья — друзьям некогда было скучать. Вино поставлялось телегами. Правда, и гостей было немало.

К концу каникул парни уже пресытились развлечениями

и не с таким воодушевлением привечали новых актеров и певцов, тоже спешивших заработать свою монету. Некоторые приезжали издалека и были удивлены и раздосадованы, когда им отказывали.

– Хабер, что там опять? – молодой господин поднял голову, услышав, как кашлянул старший лакей, застывший в дверях в виноватой позе.

После купания в реке и сытного обеда с возлияниями все спали вповалку на коврах в гостиной зале. Распахнутые настежь окна позволяли гулять сквозняку, и никто не захотел покидать компанию ради уединения в душных гостевых покоях.

– Цирковые артисты, милорд. Говорят, что подобного представления вы еще не видели. Они прибыли аж из столицы.

– Гони их прочь, – Стефан вновь упал на ковер, раскинувшись в позе морской звезды.

В тот день было особенно жарко. Все ждали вечера, когда солнце спрячется за горным кряжем и станет хоть чуточку прохладнее. Жизнь в замке вновь брызнула бы весельем.

– Стефан, не прогоняй циркачей. Прикажи, чтобы пришли вечером, – Касл подал голос. – Я страсть как люблю гимнасток.

– Пусть придут вечером, – согласился Стефан, отсылая слугу вялым движением руки. – Только в дом не пускай. Мы посмотрим на них с балкона.

Зря он согласился. Солнце ушло, а духота нет. Плюс ко всему цирковые заранее начали готовиться к представлению. Как бы ни шикал на них управляющий, они стучали, гремели и переговаривались между собой, чем вконец разозлили Стефана. Он и без того мучился головной болью. Ночью с такой же юной возлюбленной ему было не до сна, и он надеялся выспаться днем.

Накинув на себя халат, Стефан вышел на балкон. Цирковые подогнали крытую повозку, откуда вытаскивали реквизит. Они уже успели установить два огромных шеста и натянуть между ними канат. Укрепили шаткую конструкцию растяжками, чтобы танцовщица без риска продемонстрировала зрителям свое умение.

В глазах рябило от цветастых костюмов. Но больше всего раздражал запах, несущийся от клетки на колесах, где тяжело дышали заморенные жарой тигры.

– Можно начинать? – задрав голову, спросила бойкая девица в плотно обтянувшем тело трико. От густо наложенного грима лицо гимнастки казалось маской.

Расшитый блесками, ее костюм повторял узор змеи, а к рептилиям Стефан тоже не испытывал симпатии. В детстве он был свидетелем, как змея укусила его собаку. Пса тут же унесли, но нападение гадюки оставило в памяти неизгладимое впечатление. Он слышал, как отец говорил: «Если бы не Тимб, сегодня мы лишились бы сына».

В общем, вольно или не вольно, но циркачи сумели до-

вести хозяина до едва скрываемой ярости. И если бы не вышедший на балкон Касл, Стефан тут же прогнал бы артистов. Кинул бы им горсть монет, лишь бы уехали прочь.

— Да-да, начинайте! — вместо него дал согласие друг, обливав взглядом фигурку гимнастки. Подтянулись и остальные однокурсники. Вялыми аплодисментами поторопили цирковых, чтобы начали представление.

Слуги вынесли на балкон кресла и выкатили столик с напитками. Хозяин и его гости расселись, готовые увидеть небывалое зрелище, а вино услужливо сгладило все прочие недостатки, к коим относились жара и ароматы от зверья. И началось.

Циркачи не наврали. Такого представления Стефан еще не видел. Даже на городской ярмарке бродячие артисты выступали куда лучше. У фокусника все валилось из рук — карты рассыпались, кролик дико верещал, когда его за уши вытаскивали из шляпы. Жонглер терял факелы и едва не спалил свою напарницу.

Танцовщица на канате сорвалась, что вызвало вскрик у зрителей. Благо ее поймал силач, что до того показывал упражнения с гирями. Тигры не слушались дрессировщика и устроили драку. Их едва загнали в клетку.

В завершение представления девушка-змея вышла с огромным питоном с разбухшим брюхом. Того, скорее всего, перед выступлением накормили. Наверное, чтобы не придушил свою хозяйку. Но Стефану самому захотелось приду-

шить ее. И не только ее.

Поэтому, когда внизу показалась скрюченная старуха с широкополой шляпой в руках, куда нужно было кинуть вознаграждение, граф Хорр платить отказался.

– Нет, – сказал он. – Плохая работа. За такую и медяка жалко.

– Но мы старались, – она сделала плаксивое лицо.

На город опустилась ночь, и в свете факелов, что освещали площадку, хорошо были видны седые космы и глубокие морщины.

– Нет, – Стефан брезгливо поморщился.

– Да, день выдался жарким. Мы измучились, пока добрались сюда. Отсюда и ошибки. Если вы не дадите хоть сколько-нибудь, нам нечем будет оплатить ночлег. Позвольте тогда остаться на ночь в вашем замке? Нам и хлев подойдет, – она вытерла рукой слезящиеся глаза, что Стефану показалось лишь желанием разжалобить его.

– Нет.

– Мы и наши звери голодны.

– Нет.

– Разве вас никогда не преследовала череда неудач? Проявите милосердие.

– Нет.

Старухой было сказано еще много слов, которые должны были растопить его сердце, но Стефан неизменно отвечал «нет». Его друзья сначала молчали, потом начали отпускать

шуточки, и к концу «беседы», войдя в раж, уже вместе с хозяином замка выкрикивали «Нет!». Бесшабашная молодость зачастую эгоистична и бессердечна. Не познавший боли и отчаяния, не чувствует их в других.

– Хорошо, – сдалась старуха. – Позволь хотя бы дать тебе совет.

– Нет, – вместо Стефана выкрикнули друзья, хотя сам он промолчал.

Граф Хорр желал одного – поскорее покинуть балкон, так как ему надоело пререкаться. Но внезапно он понял, что не может пошевелиться. Все вокруг медленно погрузилось в вязкую тьму. Где-то далеко слышались крики и смех друзей, рычание тигров, даже треск факелов, но Стефан словно ослеп.

– Нельзя обижать женщин, – услышал он голос старухи так близко, словно она оказалась рядом – на втором этаже, и наклонилась к нему.

Стефан даже почувствовал неприятный запах старости и плохих зубов. И только сейчас сообразил, что остроконечная шляпа в ее руках прямо указывала, что перед ним колдунья. Но гордыня и презрение к тем, кто находился внизу, затмили его разум. Он и сейчас не сразу вник в ее слова.

– ...однажды придет время жениться, – шептала ведьма. – Но прежде чем ты услышишь желанное «да», тебе предстоит найти таких девушек, которые устоят перед твоим величием и ответят «нет». Иначе быть беде.

– А что будет, если мне сразу ответят «да»? – Стефан усмехнулся. Он был богат, хорош собой и бесстрашен. Ему ли ждать отказа?

– Всякое «да» будет отнимать у тебя частичку человеческого. И если ты не выполнишь условие проклятия и не соберешь все до одного «нет», оно тебя погубит.

– А если я наплюю на твои слова, старуха, женюсь и приведу жену в дом?

– Это будет последний день в ее жизни. И твой, как человека. Ночью ты превратишься в зверя.

– Думаешь, я не справлюсь с твоим глупым проклятием? Да мне достаточно будет поставить в ряд дюжину девиц, чтобы они хором ответили «нет». И я вновь свободен, – Стефан рассмеялся, но смех его был притворным.

– Не боишься, что одна из них не устоит перед соблазном стать твоей женой и произнесет «да»? Тогда придется начать отсчет заново. Запомни, ты должен собрать ровно столько «нет», сколько услышала я. Без единого «да» в середине. А чтобы ты не решил, что я привиделась тебе или шучу, я оставлю на твоём теле метку.

В глаза ударил сноп света, и Стефан закрыл лицо ладонями. Он на мгновение ослеп. А когда пришел в себя, понял, что циркачи давно ушли, а друзья восседают за накрытым столом. Чуть ли не громче мужских голосов слышались женские. Веселье продолжалось.

– Я устал и пойду к себе, – буркнул Стефан, проходя мимо

Касла.

– Милый, я с тобой, – из полутьмы помещения выпорхнула черноокая девушка. Спелая, красивая, румяная от выпитого вина.

– Нет, – резко ответил Стефан, но тут же устыдился своей грубости и уже мягче добавил, ласково проведя ладонью по ее лицу: – Не сегодня, Верушка.

Стефану было не до постельных утех. Он находился в смятении: почему короткое «нет» вдруг обернулось проклятием?

Глава 3. Рождение зверя

У Стефана и капли сомнений не возникло, что его прокляли. Он помнил силу, которая ослепила и придавила так, что невозможно было пошевелиться. Если и говорил, то только потому, что было дозволено.

«Я оставлю на твоём теле метку», – вспомнил Стефан слова ведьмы и свернул к лестнице.

Он не пошел в покои, как намеревался, а направился в подземелье. Никто не знал, даже верный друг Касл, что в толще скалы, на которой стоит замок, бьют сразу два источника. Холодный – Мальхор и горячий – Кодидур.

Они дали начало роду Хорр. Прапрадед, провалившись в грот, едва не убится, но, искупавшись в колдовской воде, чудесным образом исцелился. Так было выбрано место, где будет стоять город Веркон. Сливаясь, источники наполняли небольшое озеро. Благодаря горячей воде зимой не нужно было думать о запасах угля или дров – Кодидуром отапливались все помещения замка.

Грот был единственным местом, куда никто из гостей не сунул бы нос. А Стефану предстояло не только подумать о произошедшем, но и внимательно осмотреть себя. Сердце замирало, когда он представлял, какую метку могла оставить ведьма. Но старуха понятия не имела о целебных источниках, а значит, Стефан легко мог избавиться от любой раны

на теле.

Винтовая лестница вывела в винный погреб. Оглядевшись, Стефан нырнул в нишу за бочками. Нажав ногой на неприметный камень, открыл потайную дверь. Захватив с собой факел, поспешил вниз по длинной лестнице.

Прежде чем войти в грот, выдохнул. Он всегда так делал, готовясь увидеть диво дивное. И нет, это относилось не только к источникам, хотя они тоже потрясали своей красотой. Стефан прикоснулся к камню на стене, и медленно отодвинулась еще одна потайная дверь. Брызнул яркий свет. Факел больше не был нужен.

Никто из предков не знал природу магического света. Считали, что он исходит от цветов, которые лианами опутывали стены грота. Крупные, сиреневато-голубоватые, не похожие ни на одни из существующих видов, они были удивительно хрупкими и не любили, когда к ним прикасались. Вели себя будто живые. Стоило хозяину пожаловать в тайную купальню, как нежные головки моментально разворачивались в его сторону.

Как рассказывал отец, а ему его отец, цветы в гроте появились не сразу. Давно был построен замок, камни подземелья уже носили следы копоты от факелов, когда однажды из камней пробился первый росток. Его не замечали до тех пор, пока не проклюнулся бутон. Когда он распустился, хозяин замка с удивлением отметил, что стало чуточку светлее. Он запретил прикасаться к цветку, а тот, точно в благодар-

ность за заботу, выпустил еще несколько стрел.

– Ну, здравствуй! – произнес Стефан, приветствуя нежно-го жителя грота. Его слова подхватило эхо и унесло к высокому своду – туда, куда не доставали даже побегии. Они всегда жались к воде.

Быстро раздевшись, Стефан повертелся, ища на себе ведьмовскую отметку. Нашел ее на внутренней стороне бедра. Небольшое поросшее шерстью пятнышко. Словно кто-то вырезал из шкуры дикого зверя клочок меха величиной с мелкую монету и приклеил к коже. Стефан даже попробовал содрать его, но ногу пронзила острая боль.

– Чертова ведьма, – прошептал он, заходя в озеро.

Посидел в нем немного, ожидая, что живительная вода без труда разделается с «изъяном». Но когда Стефан вышел из озера, то с ужасом обнаружил, что пятно увеличилось чуть ли не вдвое.

– Ты что, желаешь превратить меня в зверя?! – Стефан раздраженно обратился к озеру, не понимая, почему не получилось исцелиться. – А может, ты заодно с ведьмой? А?

Эхо повторило слова. От гнева у Стефана повело голову и потемнело в глазах. Но он не сразу сообразил, что сумрак навалился вовсе не от головокружения. Это перестали светиться стены грота. Вернувшись с факелом, хозяин замка подошел ближе и увидел, что цветы закрыли головки.

– Я убью эту ведьму! – прорычал он, торопливо одеваясь. Стефан жалел, что вошел в озеро. Теперь он был уверен,

что ведьмовское проклятие отравило все вокруг. Оно оказалось сильнее, чем чистые источники и хрупкие цветы.

Ведьму он не догнал. Старуха словно растворилась в воздухе. Безрезультатно потратили два дня, объезжая постоянные дворы Веркона и его пригорода. Как позже выяснилось, обоз с фокусниками и акробатами не пересекал перевал ни в направлении Закряжья, ни обратно. По всему выходило, что цирковые обманули, хотя уверяли, что прибыла из столицы.

Когда гости разъехались, и в замке остался лишь Касл, Стефан открылся ему, почему так странно вел себя в последние дни.

– Прокляла?! – воскликнул в изумлении друг. – Покажи метку!

Стефан развязал халат и выставил ногу.

– О, да пятно совсем небольшое и похоже на родимое. Не бери в голову. До женитьбы тебе далеко. Да и не верю я в колдовство. Простое совпадение.

– Но прежде я такой родинки не замечал, – Стефан уже сам не был уверен. Он никогда разглядывал себя с такой тщательностью.

– Забудь. Зачем сейчас заламывать руки? Приспичит жениться, тогда и будем думать.

Стефан и забыл. Закрутила учеба в академии, а пятно больше не росло и не беспокоило. Правда, в редкие побывки дома в озере купаться он так и не решился. Приходил, садился на валун и разговаривал с цветами, как делали его

отец, дед и прадед.

Колдовские выюны со временем ожили и как прежде разворачивали к нему красивые головки.

Все было хорошо ровно до тех пор, пока граф Хорр не влюбился в Клару и не сделал ей предложение. Проводив невесту до дома родственников, у которых она гостила, Стефан помчался к себе. Тщательно осмотрел себя, но ничего нового не нашел. Счастливо рассмеялся. За годы он так свыкся с пятном на бедре, что уже верил – оно было всегда.

А ночью ему впервые приснился зверь. Он шел на Стефана, низко опустив голову. Буравил желтыми глазами. В них не было злобы или ненависти, они просто изучали. Будто пытались понять, уживется хищник с этим человеком, который пятился и хватал ртом воздух, или нет.

Когда Стефан уперся спиной в стену, он ударил зверя что было сил. Прямо по мохнатой морде. Он не хотел быть одним целым с этим животным – то ли волком, то ли медведем. Слишком крупным для серого хищника и слишком поджарым для бурого. Зверь взъярился и махнул когтистой лапой в ответ. Щеку обдало болью.

Лорд Хорр проснулся. Тяжело дыша, уставился в темноту, все еще переживая страшный сон. Наутро обнаружил, что подушка окроплена кровью. А когда подлетел к зеркалу, разглядел длинную рану на скуле. Подняв руку, потрогал ее и... закричал от страха. Мизинец больше не был мизинцем. Вместо ногтя торчал длинный черный коготь.

Раньше побежал бы к озеру, чтобы умыться, но сейчас не рискнул. Пусть лучше останется шрам на лице, чем вся рука с «помощью» целебной водички превратится в звериную лапу. Он помнил, как после купания увеличилось пятно на бедре.

Рана на щеке затянулась быстро, а коготь был подпилен и отличался от остальных ногтей только массивностью и черным цветом. Стефан даже начал сомневаться, что коготь является следствием проклятия. Мало ли какие на свете существуют болезни?

Он и к местному лекарю сходил. Тот поцокал языком и прописал притирки. Стефан строго выполнял все предписания, но лечение очевидного успеха не принесло.

В итоге лекарь сообщил, что в мире существуют разные болезни, приводящие к почернению и уродству ногтевой пластины, и что Стефану досталась одна из них. «Не смертельно. С этим можно прожить всю жизнь», – успокоил он на прощание пациента. И в это хотелось верить.

Клара так и не дождалась обещанных сватов. Уехала с глубокой обидой, оставив на прощанье письмо, где назвала графа Хорра трусом и лжецом.

В Военной академии он объяснил, что повредил палец на охоте. Боевые маги и не такими шрамами могли похвастаться. В остальном Стефана ничего не беспокоило. Хвост не вырос, и уши не встали торчком.

Со временем страх отпустил, и один из лучших курсан-

тов полностью отдался учебе. Чем реже всплывал в памяти страшный зверь, тем больше думалось, что ноготь – следствие механического повреждения. Ударился и не заметил.

Через год Стефан блестяще окончил Академию. Собираясь отправиться на границу, чтобы отдать долг Родине, но решил перед отъездом навестить родной край. Нужно было попрощаться с Мамушкой.

Родные стены напомнили о проклятии. И вновь в душе поднялся так тщательно скрываемый страх. Когда Стефан направился в покои Мамушки, его вдруг осенило. А почему бы не проверить действие проклятия на ней?

Он точно знал, что на предложение руки и сердца нянька ответит «нет». Ни много ни мало, разница в их возрасте составляла более двадцати лет. Нет, конечно, Стефан знал примеры, когда супруги не были ровесниками, но это же была его родная Мамушка. Она не подведет.

Стефан рассмеялся. Как же все оказалось просто! Он перехитрит ведьму!

– Конец всем бедам! – выкрикнул он, заставив обернуться на себя слуг. Лорд Хорр был уверен, что можно сто раз спросить няньку, согласна ли она стать его женой, и в ответ сто раз услышит «нет».

Стефан с порога заявил Мамушке, что желает жениться на ней. Выпустив из объятий дорогого воспитанника, та сначала потеряла дар речи, а потом расхохоталась. Ее смех был таким заразительным, что граф сам не удержался.

– Что? Совсем сдурел? Или тебе девок вокруг не хватает? А может, ты боишься без своей няньки отправиться в дальний гарнизон?

Небольшого роста, подвижная, но рано поседевшая – другой Стефан ее и не помнил, она только со спины казалась молодой и стройной. Давнее горе, когда она потеряла единственного сына, выпило из нее все краски. Серые прозрачные глаза, лапки морщинок в их уголках, глубокие изломы у тонких губ.

Отсмеявшись, Мамушка опустилась в кресло. В последнее время у нее болели ноги. Стефан придвинул маленькую скамеечку и сел на нее.

– Ты права, Мамушка, боюсь, – он положил, как в далеком детстве, голову ей на колени. Она тут же запустила в его густые вихры пальцы. – Боюсь оставить тебя здесь одну.

– Фи! Ты в Академии учился долгих семь лет и навевался сюда лишь дважды в год. Я же не умерла, ожидая тебя.

– Но с годами ты становишься все дряхлее.

Скулы Стефана пошли красными пятнами. Родовой закон «Никто и никогда, кроме тех, кому имя Хорр» не разрешал чужим входить в грот, а вода, вынесенная за его пределы, переставала быть целебной. Стефан, как последний из рода, не решался нарушать закон даже ради любимой няньки. Кто знает, о чем его прапрадед договорился с богами, чтобы те позволили ему построить замок над источниками?

Глава 4. Мытарства

В давние времена род Хорров служили совсем иным богам – суровым и безжалостным. Закряжцы и сейчас молились бы им, если бы не король Кардеры, присоединивший чужие земли к своим владениям и насильно заставивший почитать Единого бога.

Люди тайком ходили в горы, чтобы попросить помощи у покосившихся идолов. Когда священник на службе вопрошал, не изменяют ли они своей вере, они, как на духу, отвечали «Верны!», имея в виду совсем не того бога, что смотрел на них грустными глазами в красивом храме.

Стефан помнил, как мальчишкой подписывал документы – обязательство построить в родном городе обитель для нового бога. Пришлось вникать в денежные дела. Сам ужасся, уволив половину слуг, поднял налоги, но построил красивый храм с колокольной. А ведь ему тогда было всего четырнадцать лет.

Нянька рассмеялась, чем отвлекла от дум о несправедливом короле.

– Ты сказал, я становлюсь дряхлее? Да мне и пятидесяти нет. Я еще твоих детей нянчить буду, – Мамушка легонько щелкнула Стефана по носу. Как в детстве.

– Не надо лишних слов. Ты просто ответь, «да» или «нет». Стефан расслабился. Едва ли не котом мурчал, когда

нянька вновь запустила пальцы в его волосы.

– Знаешь, раз уж тебе нужна моя помощь, то я отвечу «да».

Стефан поднял голову. Он не верил, что Мамушка согласилась.

– Я не ослышался? – осторожно спросил он. – Ты сказала «да»?

– Я ведь понимаю, что тебе неловко привозить в гарнизон няньку. Не маленький уже. Хотя женой, хоть дочерью назови, я на все соглашусь. Знаю же, что понарошку.

– Как ты могла сказать «да»? Как не стыдно даже думать об этом всерьез? Я ждал от тебя отказа, – Стефан был расстроен.

– Голову заморочил, – нянька, вконец рассердившись, завожилась, чтобы выбраться из кресла. – То с собой зовешь, то недоволен, когда соглашаюсь. Уходи. Пойди в студеной реке охолонись. И не смей больше так шутить. Прикажу розгами высечь.

Все как в детстве. Мамушка не раз грозила розгами, но обещания всегда оставались на словах.

После случая с нянькой граф Хорр четко понял – шутить с предложениями руки и сердца нельзя даже со старухами. Неизвестно, что им стукнет в голову.

Той ночью опять снился зверь, который подошел так близко, что Стефан почувствовал запах его шерсти. А утром с ужасом обнаружил, что коготь появился еще и на безымян-

ном пальце. Плюс ко всему, фаланги обоих густо поросли бурой шерстью.

Оставив военную службу из-за невозможности объяснить изъясн, делающий его похожим на оборотня, граф Хорр несколько лет мотался по Западным королевствам, где жили сильнейшие маги и колдуны. Но ни один из них так и не смог снять проклятие. Пришлось вернуться в Закряжье и стороной обходить девушек, мечтающих выйти за него замуж. Он стал затворником.

Все это Стефан рассказал другу и продемонстрировал руку, с которой сдернул перчатку.

– И что же теперь делать? – Касл не мог оторвать взгляда от изуродованных пальцев. – Отдашь все наследство Вильхельму Второму? Но если ты так и не оставишь после себя потомства, то твой родовой замок тоже перейдет короне. Не жалко?

Надев перчатку, граф скрипнул зубами. Дом с его тайнами отдавать захватчику было нельзя. В голове Стефана давно поселилась мысль, что страшная болезнь обошла Закряжье только потому, что его земли все еще охраняли старые боги. Договор, заключенный его предками, оставался в силе.

Но что будет с закрятцами, когда в замке начнут хозяйничать люди короля? Уйдет источник глубоко в скалу, чтобы скрыть свою силу, или достанется по праву сильнейшего Вильхельму Второму? А цветы? Что будет с дивным светом?

– Я выполню все условия проклятия, – Стефан вновь обратил взор на огонь. – Отыщу женщин, которые точно ответят мне «нет». Главное, вспомнить, сколько раз я произнес это слово, отказываясь платить ведьме. Десять? Двенадцать? Пятнадцать?

– Думаю, не больше дюжины. Прости, но из-за обильных возлияний я плохо помню тот вечер. Вино – зло.

– Я тоже больше не пью. И тебе не надо, – Стефан покопился на пустой бокал друга. – Были бы мы в тот день трезвы, ничего не случилось бы.

Весь вечер они привели, разрабатывая план. Составляли списки, к кому следует обратиться, чтобы услышать «нет». Касл даже предложил свою мать. Мол, он обработает ее – предупредит заранее, что нельзя соглашаться. Стефан был против. Неизвестно, как поведет себя проклятие, если он начнет мухлевать, но мать Касла в список все же внес.

Начали осуществление плана на следующий же день. Отправились к вдове палача. Да, в Верконе был такой, пока Вильхельм Второй не прислал распоряжение, чтобы всех преступников отправлять на суд в столицу. Даже такую привилегию, как разбор спорных дел, король отобрал у хозяина Закряжья, желая показать всем, кто здесь главный.

Оставшись без работы (в столице хватало своих палачей), местный душегуб сильно запил и в итоге замерз под забором. Вдова криком кричала, что ненавидит графа Хорра, так как тот не отстоял свое право хозяина. Стефан догадывался, что

многие закряжцы недовольны, перейдя под управление короля. Они считали, что их лорд не проявил должного упорства.

Однажды, чуть повзрослев, Стефан собрал горожан на центральной площади и напомнил, как они попрятались в своих домах, когда пришли королевские войска.

И никто тогда не кинулся к четырнадцатилетнему хозяину, оставшемуся сиротой, на помощь. А ведь во время нападения полегли почти все стражники замка. После долгой осады и угрозы, что король сожжет Веркон, если граф не подчинится, он вынужден был склонить голову. Горожане прятали глаза. Все так и было. Но всегда хочется найти виноватого.

Вроде и объяснил юный лорд Хорр, что другого пути не было, иначе погибли бы безвинные, но недовольные все равно остались. Они и составили костяк списка.

Вдова палача жила в каменном двухэтажном доме, что говорило о прежнем достатке. Дети уже выросли и сами стали родителями – за высоким забором шумели внуки, играя во дворе под присмотром одной из снох. Стефан знал, что у вдовы палача только своих детей было пятеро, а внуков – вовсе не счесть.

Когда ей сообщили о прибытии графа Хорра, вдова долго не спускалась к своему сюзерену. Стефан сидел на стуле в сильно натопленной гостиной и поглядывал на друга. Не раздевался, так как собирался быстро уладить дело. Касл вел себя более вольно – рассматривал развешанные на стенах то-

поры, секиры и орудия пыток, что входили в арсенал палача.

По всему выходило, что вдову не ужасал вид предметов, несущих смерть. Она гордилась ими, раз выставила напоказ. Не забыла мужа, что не могло не радовать. Стефан надеялся услышать категоричное «нет».

Когда на лестнице послышались шаги, Касл быстро вернулся к Стефану. Барон не успел повесить на место топор, с которым упражнялся, представляя, что рубит голову. Он убрал его за спину, но топорище было слишком длинным и полностью за Каслом не скрывалось.

Стефан поднялся, чтобы поприветствовать хозяйку дома.

– Чем обязана? – еще находясь на лестнице, спросила вдова.

Большая, рыхлая, с грубыми чертами лица, она заставляла скрипеть под собой каждую ступеньку. Одета во все черное, женщина являла собой саму скорбь. Глаза блестели от непролитых слез. Узнав графа, вдова замерла. Выразительно всхлипнув, приложила платок к носу.

– Госпожа Кристель, – Стефан шагнул к лестнице и подал руку, чтобы женщина благополучно покинула последнюю ступеньку.

– Рада приветствовать вас, Ваше Сиятельство, и вас, Ваше Благородие, – произнося последние слова, она повернула голову в сторону Касла. Заметив топор, в недоумении вскинула брови. Обладательница грубого голоса, лишенная какого-либо изящества, она сама легко представлялась на месте

палача. – Что привело высокородных господ к несчастной вдове?

Стефану понравилась прямота женщины. Она не стала обмениваться любезностями, что могло затянуть время пребывания гостей в мрачном доме.

– Пусть вас не удивит мой вопрос, – Стефан прямо посмотрел вдове в глаза, – но что бы вы ответили, если бы я попросил вашей руки?

Госпожа Кристель опустила глаза, и только сейчас Стефан заметил, что все еще держит ее ладонь в своей.

– Я бы поинтересовалась, для чего она вам понадобилась. Совсем не вовремя Касл уронил топор. В глазах вдовы мелькнул страх, и она, от греха подальше, убрала обе руки за спину.

– Нет-нет, вы не так поняли, – поторопился исправить положение Стефан, наблюдая, как покрасневший до корней волос друг вешает топор на место. – Я всего лишь хочу знать, как бы вы отреагировали, если бы я вдруг предложил вам выйти за меня замуж. Да или нет?

Женщина оторопело моргнула.

– Спустя столько лет вы решили начать раздавать долги? – ее щеки и нос сделались пунцовыми. – Из-за вашего малодушия мой муж распрощался с жизнью...

– Мне было всего четырнадцать, – напомнил Стефан.

– Повзрослели, значит, Ваше Сиятельство? И сейчас хотите загладить свою вину? – вдова пошла в наступление: еще

шаг и она уперлась бы объемной грудью в солнечное сплетение графа. Тому пришлось отступить. – Ох, сколько же лет я ненавидела вас! Сколько проклинала...

Хозяйка дома вперилась немигающим взглядом в Стефана. Он выдохнул. Ее ненависть давала надежду. Чтобы подогреть вдову, граф скривился и еще выше задрал нос, всем видом показывая, что ему трудно дышать с ней одним воздухом. Любую женщину подобное поведение смертельно оскорбило бы.

– Пришел мой черед заставить вас плакать, – громко произнесла госпожа Кристель. – Поэтому с превеликим удовольствием отвечу «да». Завтра же перееду в ваш замок. Катуня, Верина, Буся, собирайтесь, мы будем жить в хоромаш Его Сиятельства! Разрешаю звать его папой!

Стефан не ожидал, что вдова выкинет вперед руку и мертвой хваткой вцепится в подбитый мехом плащ.

– Что вы делаете? – на помощь к оторопевшему другу пришел Касл и втиснулся между ним и вдовой. – Вы не так поняли! Мы просто проводим опрос. Хотим узнать, сколько овдовевших или брошенных женщин Веркона готовы заново выйти замуж. Хватает ли на их долю свободных мужчин или их следует привезти из столицы....

– Что же вы мне голову морочите? – вдова с неохотой отпустила шубу. Она уже чувствовала себя графиней.

– Это всего лишь опрос, – граф поправил съехавший с плеча плащ и направил убийственный взгляд на Касла. Тот

побледнел, но не остановился.

– А за правдивый ответ, что вы не против выйти замуж, вам, госпожа Кристель, полагается вознаграждение.

Касл суетливо вытащил из кармана и положил на стол золотой.

Глава 5. Долги детства

Барон смотрел на деньги с таким сожалением, что Стефану сразу стало понятно, что те у друга не были лишними. Но зато золотой резко поднял настроение вдовы, потерявшей шанс на богатую жизнь. Цапнув монету, Кристель широко улыбнулась.

– Уж постарайтесь, господа, подберите мне хорошего мужа. За старого, угробленного вашими же стараниями, неплохо было бы вернуть должок.

– Мы благодарны вам за прямоту, – едва скрывая досаду, ответил граф.

Он схватил друга за шиворот и поволок к двери. Сев в карету, наклонился вперед, чтобы быть с растрепанным бароном нос к носу, и зашипел:

– Что ты творишь? Хочешь, чтобы по городу разнеслась молва, что мы собираемся завозить для одиноких женщин женихов? Что будешь делать, когда этих женихов обманутые вдовы не дождутся? – Стефан зло сощурил глаза. Касл, наоборот, распахнул их еще шире. – Ты зачем оставил вдове палача деньги?

– Сам жалею. Маменька последний золотой отдала, чтобы я заказал на завтра мяса, – проблеял Касл, вдавливаясь в мягкую спинку сиденья.

Стефана не устроил ответ. Граф изволил гневаться.

– Неужели ты не понимаешь, с чем шутишь? Теперь мне ни за что не избавиться от проклятия. Пойдет слух, что мы проводим опрос и платим за это. Люди жадны и примитивны. Стоит им узнать, что кто-то вместо «да» ответил «нет», и ему не дали золотой, нас с тобой завалят соглашениями выйти замуж. И к утру я тебя загрызу, так как за ночь превращусь в дикого зверя.

Касл виновато почесал затылок.

– Еще не все потеряно, друг. Мне сейчас в голову пришла блестящая мысль. По щелчку пальцев соберем все «нет», – барон поерзал, прежде чем продолжить. Стефан ждал. – Мужчины. Вот кто никогда не скажет тебе «да».

Граф Хорр обессиленно откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

– Теперь я точно знаю, почему тебя не приняли в Военную академию, – заговорил он через длительную паузу. – У тебя нет половины мозга. Рефлексы есть, а та часть, что отвечает за мышление – отсутствует. Ты хочешь окончательно похоронить мое имя?

– Убедил, плохая идея, – поняв, что друг убивать прямо сейчас не собирается, барон осмелел. Достал из кармана список. – Следующая по плану – старуха-старьевщица.

Стефан поморщился. К старьевщице ехать не хотелось. Глупая детская выходка сейчас виделась совсем иначе. Мальчишкой он украл с ее веревки выстиранное для продажи белье и раздал его нищим.

Граф до сих пор помнил, как сухая, словно старая ветка, женщина провожала его полным ненависти взглядом, когда он проезжал с отцом мимо ее лавки. Как губы складывались в единственное слово, которым она неизменно награждала его при встрече. Поганец.

А он чувствовал себя героем: отобрал у сквалыги тряпье и раздал нуждающимся. Еще и кривил рожи. Тетка жила далеко не бедно. Да и чего жалеть старые тряпки?

Детство прошло, и шалость забылась. Стефан вспомнил ее только потому, что Касл выпытывал имена всех, кому он напакостил даже в несмышленном возрасте. «Это богачи забывают неудачу, так как не знают деньгам счета, а нищета точит зуб на обидчика за мелкую монету всю оставшуюся жизнь», – пояснил барон другу.

Дом старухи-старьевщицы за прошедшие годы сильно обветшал. Во дворе все так же полоскалось на морозном ветру выстиранное белье. Заговорщики постучались, прежде чем войти. Внутри бедность буквально кричала, хоть и держалось помещение в чистоте. На лавке у окна сидела женщина и что-то штопала.

Она повернулась, когда барон кашлянул. Швеей оказалась молодой, но такой же костлявой, как та старуха, которую он обидел. Лопатки были такими острыми, что грозились прорезать ткань суконного платка, брошенного на плечи.

– Простите, мой лорд, что не встречаю, как положено. День на исходе, а дел еще много, – произнесла она, не пре-

крашая работать иголкой.

– А свечи? – спросил Касл, оглядывая комнату. Ведро с тлеющими углями у ног старьевщицы – в доме было холодно, грубый стол с накрытой тряпицей миской, кровать за занавеской.

– Я стараюсь экономить, – швея сделала узелок и перекусила зубами нитку.

– А где прежняя хозяйка? – Стефан прошел к кровати и отодвинул занавеску. Он был уверен, что там лежит старуха, но наткнулся взглядом на испуганного ребенка, прижимающего к груди самодельную куклу.

– Бабушка умерла два года назад. Она так и не простила вас, – девушка дала знать, что понимает, кто пришел в ее дом. – А я Леся, ее внучка. Вы должны меня помнить. Это я кричала и обзывалась, когда вы сдергивали с веревки белье. И даже кинула в вас камень. Вы оставили нас на неделю голодными.

Стефан не помнил девочку. Но его сильно задели слова женщины. Из-за него страдали и без того обездоленные люди. Если бы он мог повернуть время вспять, ни за что не совершил бы настолько глупый поступок.

– А это кто? – граф кивнул на малышку.

– Моя дочь.

– Муж есть?

Швея помотала головой.

– Кому нужна такая нищета, как я?

– Мне очень жаль, что я был настолько бессердечен, – Стефан вытащил из кармана кошелек. Положил на стол и, подтолкнув к выходу открывшего рот друга, направился к двери.

– А что хотели-то, Ваше Сиятельство? – женщина взяла ребенка на руки.

– Попросить прощения у вашей бабушки, – сказал он, не поворачивая головы.

– Вы опоздали.

– Я понимаю.

Уже в карете Касл спросил:

– Почему ты не предложил ей руку и сердце?

– Я еще не пережил согласие вдовы палача, – Стефан смотрел в окно – они ехали по бедным районам его родного города. Серые покосившиеся дома, даже припорошенные снегом, смотрелись убого.

– Думаешь, старьевщица тоже сказала бы «да»?

– Не уверен. Она больше боялась за ребенка. Взяла его на руки, а не кинулась к кошельку.

– Чего ей бояться? – Касл скривил лицо. – Не такие уж мы страшные.

– Если бы я счел, что девочка растет в неподобающих условиях, то, как правитель Закряжья, мог отнять малышку и отдать ее в приют. У нас есть такой, ты не знал? Он носит имя моей матери. Детский приют Марии Хорр.

– Откуда мне знать? Меня сейчас волнует только одно – где взять деньги на мясо. Мать меня убьет.

– Поехали к ней, – Стефан постучал по стенке кареты и крикнул кучеру: – На перевал!

– Хочешь попытать там счастья?

– Посмотрю, в каких условиях ты живешь.

– А если не понравятся, сдашь меня в приют? – Касл широко улыбнулся.

Но шутка не прошла. Стефан не ответил. Откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Он впервые ехал в дом друга. За столько лет ни разу не поинтересовался, насколько матери Касла приходится тяжело. А ведь в том, что старый барон разорился и умер, есть и его, Стефана, вина. Не отдай он власть в Закряжье королю, пограничная застава и сейчас служила бы исправно и приносила достойные деньги.

За всю свою сознательную жизнь молодой граф Хорр минимум четыре раза за год пересекал перевал. Он не видел, как меняется крепость – камни оставались все так же крепки, а на сторожевой башне все так же развевается флаг короля Вильгельма Второго. Только если раньше у шлагбаума стоял часовой и выходили досматривать повозки пограничники, то сейчас о прежних порядках напоминали лишь крашенные в цвет флагов Закряжья и Кардеры пограничные столбы.

Из трубы мрачного каменного здания, служившего в давние времена казармой, валил дым. Во дворе раздетый по пояс мужик колот дрова, а два подростка сноровисто перетаскивали поленья в дом, протоптав по снегу грязную дорожку.

Увидев въезжающую во двор карету, все трое прекрати-

ли работу и согнулись в пояс, приветствуя важного гостя и своего хозяина. Друг выглядел смущенным, но хорохорился. Улыбался и подшучивал. Походя раздавал путающейся под ногами детворе подзатыльники.

– Откуда столько детей? – Стефан не привык к детскому шуму. В его замке даже слуги разговаривали вполголоса.

– Постояльцы сняли комнаты на всю зиму. Столичные. Лекарь прислал. Сказал, что детям полезен разреженный воздух. У нас здесь даже он целебный, – Касл подмигнул Стефану и уже шепотом добавил: – Приходится доплачивать за каждого присланного пациента, чтобы не забывал рекомендовать перевал. Иначе всю зиму, как медведи в берлоге, лапу сосали бы.

Стоило войти в дом, как появилась мать Касла. Только оторвавшаяся от плиты, она торопливо вытирала руки о полотенце. Волосы прилипли к вспотевшему лбу. На подобающее для титула баронессы платье был надет фартук, заляпанный соусом. Она не сразу вспомнила о нем. Творя приветственный поклон, ахнула и торопливо сняла грязный фартук.

Стефан не впервые видел леди Фок, но всегда издалека. Проезжая перевал, никогда не останавливался – предпочитал снимать комнаты на постоялых дворах, расположенных ближе к столице. Те соответствовали его статусу.

– Мама, это мой друг граф Хорр. Он приехал к тебе с деловым предложением.

У матери в глазах зажглась тревога.

– Только не говорите, что хотите выкупить наш постоянный двор. Я только сегодня отказала одному столичному прохвосту. Повадились.

– Нет-нет, мама, совсем не это, – Касл обнял мать за плечи. Такую же тонкую и звонкую, как сын. Только ее волосы, не в пример Каслу, были аккуратно собраны на затылке. – Лорд Хорр хотел бы знать, согласилась бы ты принять его руку и сердце, если бы он вдруг предложил. Чисто теоретически. Ответь да или нет.

– Вам кто-то отказал? – сочувственно спросила она. – Неужели у женщин нет глаз? Вы красивы, умны и богаты. Конечно же, я без раздумий ответила бы «да».

– И я «да».

– Я тоже согласна.

Как оказалось, в нише, где у камина расположили несколько кресел и просторный диван, сидели постоялицы, увешанные детьми. Все как одна сказали графу свое «да».

Если бы нервная система Стефана была послабей, сейчас он лежал бы в глубоком обмороке. Граф медленно перевел взгляд на хлопающего ресницами Касла.

– Что ж. Сегодня у меня богатый урожай, – произнес он побелевшими губами. – Сразу пять «да». Теперь только осталось посмотреть, как пройдет ночь.

– Хочешь, я проведу ее с тобой? – из добрых побуждений или желая загладить свою вину, Касл вызвался поддержать

друга, не замечая, как вытягиваются лица у присутствующих дам.

– Неужели согласится? – спросила одна из постоялиц.

– Если ему отказывают женщины, то поневоле обратишь внимание на мужчину, – пожалела Стефана другая. Они все понимали. Видели, что человек страдает.

Стефан молча развернулся и вышел. У кареты, где его догнал Касл, снял с руки кольцо и вложил в ладонь друга.

– Отдашь матери. Не продешевите, когда будете продавать. На вырученные деньги легко проживете полгода.

– Так мне ехать с тобой или нет? – у Касла покраснел нос, и он приплясывал от холода. На перевале ледяной ветер буквально жалил, а одежда друга, хоть и смотрелась франтоватой, была на рыбьем меху.

– Утром навестишь. Захвати с собой ружье. Если увидишь зверя – пристрели.

Глава 6. Сотня чертовых «да»

Касл кинулся к другу. Обнял и крепко прижался к нему.

– Прости, я хотел помочь, – порывисто произнес он.

– Прощаешься, что ли? – Стефан задрал бровь.

– Пока ты понимаешь человеческую речь, почему бы не попросить прощения, – виноватая улыбка скривила лицо барона.

– Прощай, друг, – Стефан с трудом отцепил Касла от себя.

– До свидания. Я утром буду. С ружьем.

В карете Стефан несколько раз обернулся. Тощая фигурка барона так и стояла у ворот, пока не исчезла в круговерти снега. Начавшийся внезапно, он быстро залепил стекла. Стефан снял перчатки и посмотрел на изуродованные черными когтями пальцы. Сколько их будет завтра? Перейдут на другую руку, или первая полностью сделается похожей на волчью лапу?

Заехав в город, поплотнее укутался в меховой плащ. Закрыв глаза, отдаваясь тревожным думам. Но карета вдруг дернулась раз, другой. Кучер осадил лошадей. Послышались его недовольные крики и чей-то плаксивый голос, умоляющий позволить сказать графу всего одно лишь слово.

Стефан приоткрыл дверь, чтобы глянуть, кто просит помощи. Сегодняшний день показал, что нуждающихся немало. К ступеньке тут же подбежала женщина. Платок намотан

крест-накрест, на ногах огромные мужские башмаки, край юбки обтрепался и сильно намок. Снег чавкал под ее ногами и смешивался с грязью. Несчастливая держала за руки двух детей. Лет трех-пяти. Таких же плохо одетых. Смотрели на хозяина города испуганно.

– Да! – задыхаясь, выкрикнула женщина. – Да!

– Что «да»? – не понял Стефан.

– Люди говорят, надо ответить «да», если вы спросите, хочу ли я за вас замуж. Я вдова! И на все согласна. Хотите, пол буду мести или белье стирать. Только не оставьте без милости!

– Дайте золотой! Дайте золотой! – дети протянули замерзшие ладошки и сделали плаксивые лица.

Стефан отшатнулся, не ожидая такого подвоха. Кучер соскочил с облучка и кинулся на помощь хозяину. Замахнулся кнутом, чтобы отогнать, но карету облепили неизвестно откуда набежавшие женщины. Работали локтями, чтобы пробиться вперед.

– Да! Да! – вопили они. – Мы тоже согласны, только дайте золотой!

Кучер встал спиной к двери, едва сдерживая напор.

Понимая, что просто так уехать уже не получится, хозяин Закряжья выбрался из кареты. Велев кучеру занять свое место, поднял руку, чтобы возбужденные женщины перестали кричать.

– Завтра утром, сразу после службы в храме, каждая из вас

будет выслушана. Священник запишет имена страждущих и предоставит мне бумаги. Я не оставлю вас в беде.

– А золотой? Нам дадут по золотому? Старухе-палачихе дали, а нам?

– Помощь будет оказана, но только после рассмотрения каждого случая отдельно, – Стефан знал, как слаб народ до дармовщины. Запишутся даже те, кто сыт и обут.

Приказав кучеру остановиться у храма, граф направился к небольшому домику, где жил священник. Тот уже готовился ко сну.

– Доброй ночи, отец Серафим, – по заведенному порядку Стефан поцеловал перстень на руке старика. – Вы жаловались, что паства маловата, и что местные не жалуют храм. Завтра ждите наплыва. Если хотите, чтобы страждущие приходили чаще, встретьте их добрым словом, а не строгим поучением. Они все нуждаются в помощи. Запищите каждого с пометкой, на какую беду жалуется. Будем по мере возможности помогать.

– Хорошее дело задумали, Ваше Сиятельство. Богоугодное. Я приложу все силы, чтобы удержать вновь прибывших и приучить к молитвам. Бог милосерден, но и мы должны поддерживать его щедрыми подношениями.

Старик вытянул вперед сухонькую руку. Глаза его при этом хитро блестели. Улучил момент, чтобы получить внеочередную мзду. Сам-то граф перестал заходить в храм.

Стефан снял с пальца крупное кольцо и отдал старику.

Тот, довольный, перекрестил хозяина Закряжя.

– Всем по заслугам воздастся, – сказал он елеиным голосом, пряча перстень в карман.

Стефан только хмыкнул. Знал бы отец Серафим, насколько он сейчас прав. Воздается графу за все, что когда-то натворил.

Дома молчаливые слуги помогли раздеться. Они уже знали, что хозяин снимает перчатки только в своих покоях. Ужин подали в библиотеку, где граф обложился книгами, которые привез из путешествия по Западу.

«Оборотни и влияние на них луны», «Две личности в одном теле», «Как укротить в себе зверя», «Гон в брачный период». Раздосадованный знаниями, не обещающими благоприятного исхода, Стефан сбросил стопку книг на пол. Упав, одна из них открылась на картинке, где ликан тащил на плече голую женщину. Его оскаленная пасть и горящие глаза ничего хорошего бедняжке не сулили.

Отодвинув от себя тарелку с мясом (по какой-то новой прихоти он полюбил недожаренное, чтобы на блюде осталась лужица крови), Стефан подпер голову рукой. Сегодняшняя поездка показала ему всю глубину его падения. Будь он в молодости таким же разумным, как сейчас, то относился бы к людям с большим вниманием.

«Они живые, пусть со своими страстями и странностями, но живые. А я ничего этого не видел. Да я даже не замечал, в каком отчаянном положении находится мой ближай-

ший друг!»

Надо было заработать проклятие, чтобы хозяин Закряжья осознал, как был слеп. Сейчас Стефан полной ложкой хлебал результаты своей горделивости, нетерпимости и равнодушия.

Да, он занимался благотворительностью – содержал приют для детей и школу, где учились простолюдины, не имеющие возможности платить за обучение, но делал все, скорее, по привычке, чем по велению души. Мама начала, а он продолжил. Не было никакого полезного дела, которое он придумал бы сам. Строительство храма для чужого бога не в счет.

Стефан догадывался, что ему предстоит тяжелая ночь. С проклятием шутки плохи. А ему насовали этих «да» бесчисленно. Конечно, никому из кричащих на улице женщин он руки не предлагал, но спросить, зачтется их согласие или нет, было не у кого. Ведьму так и не нашли. Поэтому, одевшись в халат и захватив с собой одеяло, хозяин Закряжья направился в грот. Он не хотел, чтобы слуги заметили, что их хозяин все больше и больше теряет в себе человеческое.

Даже если он будет кричать, в подземелье его не услышат. Не прибегут и не начнут барабанить в дверь с глупыми вопросами «Хозяин, с вами все в порядке?». Нет, он не в порядке и вряд ли будет, пока не спадет проклятие.

В винном погребе задержался у полки с запыленными бутылками. Взял одну. Факел зажигать не стал, побрел в пол-

ной темноте, уже наизусть зная, сколько в каменной лестнице ступенек.

Грот встретил мягким светом. Цветы развернули головки в его сторону.

– Это я, – сказал он им. Сил на большее не было.

– Я! Я! Я! – подхватило эхо.

Бросив одеяло на камни, зубами вытащил пробку и выпил бутылку одним махом. Сняв халат, лег и закрыл глаза. Голова кружилась. Срываясь с камней в озеро, звонко капала вода, где-то далеко слышалась песня. Этого не могло быть, грот не пропускал звуки извне, но Стефан не удивился. Если переставал дышать, он слышал не только тонкий женский голос, выводящий нехитрый мотив, но разбирал слова. Игры разума, одурманенного крепким вином.

Люблю тебя, тирли-бом-бом,
Как дождь весенний любит гром,
А лето – трели соловья,
И осень желтая листва.
Но ты, любимый, пустоцвет –
Зима без снега. В том секрет.

Прекратилась песня, и появился зверь. Он больше не тянул: не принюхивался и не вглядывался в глаза. Он вел себя как хозяин, который имеет право. Оскалился и, оттолкнувшись мощными лапами, прыгнул. Стефан закричал от боли. Кости выворачивало, шкура лопалась, и через кровоточащие раны лез отвратительный мокрый мех.

– Тирли-бом-бом...

Он пришел в себя утром. Поднявшись, брезгливо посмотрел на одеяло – оно пропиталось кровью так сильно, словно Стефан свеживал на нем тушу оленя. От слабости кружилась голова. Стефан поднял руки, ожидая увидеть волчьи когти, но пальцы были вполне человеческими. Даже те два, из-за которых он несколько лет носил перчатки, вновь стали прежними. И на бедре ни единого пятнышка.

– Процесс трансформации завершился, – произнес вслух Стефан, вспоминая вычитанное в книгах об оборотнях. – Днем человек, а при полной луне – зверь. И так будет до тех пор, пока я не сниму проклятье. Тирли-бом-бом...

Он без страха вошел в озеро. Хуже, чем есть, уже не будет. Вода не вскипела, и цветы не закрыли головки. В глазах тоже не померкло. Сейчас он был таким же человеком, как и прежде. Зверь затаился внутри.

Искупавшись, Стефан накинул на голое тело халат. Оглянувшись на окровавленное «ложе», покинул грот. Теперь он будет его звериной норой.

Стефан шел в свою комнату, не обращая внимания на слуг, которые удивленно оглядывались вслед хозяину. Секрет открылся скоро. В малой гостиной его ждал Касл. Он встретил его выстрелом из ружья.

Стефан оглянулся на дверь, в которой зияла огромная дыра.

– Ты чего?

– Прости, я был так напряжен, узнав, что ты не ночевал на своей постели. Вещи всюду разбросаны, будто их срывал с себя зверь. И еще шаги... Бум-бум-бум... Я был уверен, что сейчас увижу оборотня, – Касла лихорадило от пережитого страха и от осознания, что едва не убил друга. Если бы не дрогнула рука...

– Успокойся, все хорошо, – Стефан отобрал у барона рубье. – Ночь была трудная, но я справился. Вот, смотри.

Он повертел перед лицом Касла рукой.

– Вот же! Ни одного пятнышка! Ты сумел снять проклятие? – глаза барона, в которых только что копились слезы, горели в восхищении.

– Нет. Но я знаю, кто это сделает. Больше никаких старьевщиц и вдов. Мы едем в горы.

– Зачем нам горы? – Касл растерянно схватился за ворот шелковой рубашки. – У меня нет теплой одежды. Я не готов замерзнуть насмерть.

– Там живет одна Зар-раза. Мы выкрадем ее и привезем сюда. Нет времени на уговоры и расшаркивания. Уж она-то точно никогда не скажет мне «да».

– После похищения тем более, – поддакнул Касл, понимая, что ни одна приличная девушка не простит похитителя.

– Будет сидеть взаперти, пока я не получу сотню «нет». Лишнее не помешает. Чтобы раз и навсегда.

– Да, чтобы наверняка, – поддакнул, но без особого энтузиазма, Касл. – Скажи, нет ли у тебя лишнего тулупа? И

шерстяных рейтуз? Боюсь, в горах я отморожу себе все, что только возможно. Я единственный мужчина в семье Фок и еще не оставил после себя наследников. Мама меня убьет, если узнает, что я ввязался в авантюру, где мог околеть от холода.

Стефан, кивнув другу, направился в гардеробную. Широко распахнул шкафы.

– Бери, чего хочешь. Хоть все.

– Все?! И не жалко? – глаза барона наметано выделили самую дорогую одежду.

– Нет, не жалко.

Глава 7. Зар-раза

Оставив друга в гардеробной, граф направился в спальню.

– Тирли-бом-бом, – вскоре донеслось оттуда, – тирли-бом-бом, сегодня точно грянет гром. Луизе больше не сбежать, ее ждет мягкая кровать... Тьфу ты! Луизе больше не сбежать, ремня Зар-разе нужно дать.

Стефан пел, что само по себе было удивительно.

Он знал Луизу Кречет с детства. Это ее «тирли-бом-бом» крутилось в его голове. И голос он узнал. Все такой же писклявый и противный. Ух, как он ненавидел ее. И готов был дать волчий хвост на отсечение, что с той же страстью она ненавидит его.

У них не сложилось с самого начала. При родителях, которые дружили семьями, они делали вид послушных и добрых детей. Но стоило им остаться наедине, как начиналась словесная перепалка, переходящая в драку. В детстве Луиза была крупнее и выше, поэтому легко подминала под себя и Стефана, и его самолюбие.

Со временем расстановка сил изменилась. Крупнее и выше стал Стефан, но гадкая Лиззи все равно оказывалась сверху. Подножки, увертки, растянутые поперек дверей веревки, о которые он непременно запинаялся и некрасиво падал. И еще куча всего, что было не только обидно, но и унижительно. Она попирала все, что можно. Гордость, самомне-

ние, оценку.

Из-за нее он пошел в Военную академию, преследуя сразу несколько целей. Во-первых, чтобы быть подальше от занозы, а во-вторых, так освоить правила ведения боя, чтобы с одного маха уложить верткую девчонку на лопатки. Если, конечно, им довелось бы увидеться.

Эта Зар-раза буквально преследовала его. Именно так – Зар-раза. С большой буквы и с раскатистым «эр», похожим на недовольное рычание зверя. Где бы Стефан ни был, всюду оказывалась Лиззи. На ярмарке, в храме, в гостях у знакомых. Острый язык, находчивый ум и удивительная изворотливость всегда ставили его в тупик. Рядом с ней он чувствовал себя неотесанным чурбаном. Она говорила на элейском, и он разбился, но выучил этот сложный язык. Хотел блеснуть, но выяснилось, что теперь она говорит на орадорском.

Академия помогла забыть Зар-разу. Появились другие интересы. И женщины, которые восхищенно смотрели ему в рот. В последний раз Стефан видел Луизу, когда приезжал домой на зимние каникулы, успешно сдав первый семестр. Она пришла в храм на вечернюю службу и поразила его отрешенным взглядом. Сделала вид, что не узнала. Была тиха, что напугало больше, чем если бы вдруг она бросилась на него дикой кошкой.

Во время проповеди он специально сел за Лиззи. Заметив, что из-под шелкового шарфа выбился локон (женщинам нельзя находиться в храме простоволосыми), он накру-

тил его на торчащий гвоздь и вдавил тот пальцем в спинку сиденья. Поторопился уйти со службы еще до того, как все встали.

Затихнув за дверью, с удовольствием послушал, как звонко Зар-раза вскрикнула и, поняв, кто виноват, понесла его имя по всем кочкам. Священник был в обмороке от обилия новых слов, которые никогда не слышал прежде. Ну а потом случились лето и тот самый цирк, где его проклинали.

– Ты думаешь, что сможешь увезти все узлы за раз?

Стефан был поражен неужемостью друга. Нет, он не жалел, что позволил очистить шкафы. Все равно собирался обновить гардероб. Потом. Когда все закончится.

– А вдруг ты передумаешь? Надо брать, пока ты добр, – барон пыхтел, перетягивая пузатые кофры, уложенные на задок кареты, ремнями.

Касл не был знаком с Луизой Кречет, поэтому не догадывался, что с того момента, как Лиззи окажется в «гостях» у Стефана, у того не будет ни единой свободной минуты, чтобы думать о каких-то там шмотках. Ради тысячи «нет» и отборных ругательств на всех языках мира стоило потерпеть.

Стефан был уверен, что справится с Лиззи за неделю. У него останется целых полтора месяца, чтобы определиться с женой. Он даже сможет устроить отбор. И в последнюю минуту Исхода года священник сделает его женатым человеком. Стефан с большим удовольствием покажет Вильгельму Второму огромный кукиш. А девушку выберет такую, чтобы

глаз не оторвать.

– Так в какую сторону мы направляемся? – покончив с узлами, которые затащил на крышу с помощью слуг, Касл уселся в карету. На его коленях лежала шляпная картонка.

– В Лапларское ущелье. Выходи, мы поедем верхом.

– А как же Зар-раза?

– Положу поперек седла. Это меньшее, что я хотел бы с ней сделать.

– Я всегда знал, что ты найдешь выход из любой ситуации, – с восхищением выдохнул Касл. – Но почему ты не вспомнил о ней раньше? Зачем все эти вдовы-старьевщицы, если у тебя есть заклятый враг?

– Я постарался о ней забыть. Сильно постарался.

– Разве можно забывать тех, кого ненавидишь?

Касл, разодетый в длинную до пят соболью шубу и такую же объемную шапку, не с первого раза взобрался на лошадь. Стефан с усмешкой наблюдал, как корячится его друг. Не выдержав, подвел своего коня ближе и, схватив за ворот шубы, закинул барона в седло. Тот поблагодарил кивком, едва не уронив шапку. Слишком разными по комплекции были друзья, чтобы одежда Стефана пришлась впору Каслу.

– Я стер ее из памяти.

– Так достала?

– Она являлась ко мне даже во снах, – Стефан послал коня вперед. Касл постарался не отставать.

– Ты был влюблен в нее? – спросил барон, поправляя шап-

ку. Та при любом движении норовила сползти на глаза.

– Не помню, – Стефан явно не желал отвечать.

– А сейчас вдруг вспомнил?

– Она опять пришла во сне и спела свою дурацкую песню.

– А ты уверен, что она не замужем и за ее подол не держится куча детей? – Касл задавал правильные вопросы. Стефан нахмурился. С Лиззи ни в чем нельзя быть уверенным. Но он разберется с этим на месте. Не увидев, не узнает.

Звонарь ударил в колокол. В небо взлетела стая ворон.

– Ого! Смотри, сколько у храма собралось людей! Какой-то религиозный праздник? – барон обернулся, придерживая шапку рукой.

– Нет. Идет запись нуждающихся. Вчера вечером мою карету остановила толпа женщин. Они требовали золота. Каждая от души постаралась, чтобы я услышал ее «да», – последнюю фразу Стефан произнес с особой язвительностью.

– Прости, друг, – Касл опустил глаза. – Я хотел как лучше.

– Ну хотя бы буду знать, кто нуждается в помощи. Священник вечером принесет бумаги.

– Примешься раздавать золотые?

– Деньги принесут временное облегчение. Надо придумать что-нибудь эдакое, чтобы бедствующие не нуждались в подачках.

– Сначаланими проклятие и женись. От зверя людям мало прока. Еще забьют вилами.

– Этим и занимаюсь.

Дорога до Лапларского ущелья была долгой, и у каждого из всадников было время подумать о своем. Барон тихо радовался свалившимся на голову подаркам, а Стефан вспоминал одну из последних встреч с Луизой. Именно схватку в горной запруде, что находилась недалеко от крепости семейства Кречетов, он хотел стереть из памяти. Тогда он повел себя не лучшим образом. Если бы был жив отец, он сгорел бы от стыда за сына.

Это случилось тем летом, когда Стефан был принят в Военную академию. В начале осени высокородный курсант должен был отбыть в столицу, а сейчас догуливал последние вольные деньки. И понесла же его лихая в горы! Любитель поохотиться, он выследил волчицу, ранил ее и гнал до самой норы, где обнаружил двух волчат. Мать пришлось добить, а вот щенков Стефан взял с собой.

Они скулили в сумке, когда он привел лошадь к горной речушке. Разделся, чтобы искупаться и смыть с себя кровь. Когда вступил в воду, заметил, что ниже по течению кто-то сложил неглубокую, но такую манящую запруду. Пробежавшись по валунам с полста метров, с удовольствием погрузился в ледяную воду.

Уходящее лето пахло горными травами, горячими камнями и ветром, несшим запахи дикой природы. Стефан лежал в запруде, где воды в самом глубоком месте было по голень, с закрытыми глазами. Слепило солнце. Он не сразу понял, что кто-то загораживает свет. Открыл один глаз и увидел Луизу.

Она стояла, широко расставив ноги и целясь в него из ружья.

Стефан дернулся, когда раздался выстрел. Дробь раскрошила камень у его головы. Крошка обожгла плечо.

– Совсем с ума сошла, Зар-раза?!

– Ты убил Тайну, – не глядя на него, девушка перезаряжала ружье. – Ты убил мать двух щенков. Ты не человек, Хорр. Ты зверь.

Она не успела выстрелить второй раз. Стефан выпрыгнул из воды и так резко дернул за ствол ружья, что Луиза полетела следом за ним в запруду. Они еще какое-то время боролись в воде, но голому Стефану было проще, чем одетой Луизе. Она запуталась в юбке, а грубые башмаки нахлебались воды.

Выбившись из сил, оба тяжело дышали и с ненавистью смотрели друг на друга. Лиззи полуобернувшись, так как граф удерживал ее, прижавшись к ее спине. Зар-раза дернулась, чтобы высвободиться из крепкого захвата недруга, но женское тело и азарт схватки неожиданно родили в Стефане желание. На правах сильнейшего, граф, глядя Луизе в глаза, сжал на ее груди ладонь. Тонкая ткань рубашки намокла и рельефно облепила сосок.

– Не смей! – прошипела девушка.

Но он уже не мог остановиться. Крутанув ее и поймав в плен губы, впился в них поцелуем. Жертва дергалась, но он сумел справиться с мокрой юбкой. Его ладонь скользнула по гладкому бедру вверх и обнаружила, что девушка не носит

панталон. Стефан рано познал прелесть любовных утех, поэтому умел обращаться с женщинами и знал, как довести их до исступления.

Он праздновал победу, когда Луиза перестала сопротивляться и отдалась его поцелуям. Даже рассмеялся, услышав ее стон. Он специально не убрал руку, чтобы почувствовать, как под пальцами содрогается ее жемчужина.

– О, да ты, оказывается, влюблена в меня! – произнес он, отпуская девушку на свободу. Нет, граф не собирался завершать начатое. Ему хотелось показать Зар-разе, как легко он ее подчинил. Достаточно было одного поцелуя. – И не говори, что нет. Ты слишком быстро убрала свои коготки. Сладко было в моих объятиях, да, Лиззи? Я мог бы пойти дальше, и ты позволила бы, но... ты не в моем вкусе.

Стефан, улыбаясь покрасневшей от ярости девушке, облизал тот самый палец, которым довел ее до оргазма. Знал, что последует после. Она резко вскочила на ноги. Зло одернула мокрую юбку, которая не хотела слушаться и липла к ногам. Пятерней зажала на груди рубашку – Луиза не помнила, когда злейший враг расстегнул пуговицы.

– Ненавижу тебя! Всей душой ненавижу! – выхватив из воды ружье, она саданула прикладом смеющегося Стефана. Попад в голову, отправила графа в темноту.

Хорр пришел в себя не сразу. Потрогав лоб, посмотрел на окровавленную руку.

– Хорошо, что не утопила, – сказал он и громко рассме-

ялся, понимая, до какого каления довел девушку. Поднявшись, побрел туда, где оставил коня. Тот был на месте, но отсутствовала сумка с волчатами и... вся одежда.

– Зар-раза...

Глава 8. В гнезде Кречетов

Графу Хорру после такой женской подлости ничего не оставалось делать, как ехать домой голым.

– Как же я тебя ненавижу, – шипел Стефан, низко пригнувшись к гриве коня и несясь во весь опор по окольным улицам. – Всей душой ненавижу!

Стефан так страстно жаждал смыть из памяти позорный бег нагишом, что в столице, как только прибыл туда, направился к мозгоправу. Так называли магов, которые притупляли тягостные воспоминания и муки совести. После того, как отвалил десять золотых и заимел туман в голове, появляющийся сразу после попытки подумать о Лиззи, Стефан повеселел. Он начинал новую жизнь. Без козней Зар-разы.

И вот снова она. Нашла-таки способ напомнить о себе. Зверь ее услышал и понял.

Часа через два путники достигли Лапларского ущелья. Барон вертел головой и восхищенно цокал языком.

– Какая здесь красота! Я чувствую себя так, словно попал в сказку.

– Скоро это чувство пройдет. Приготовься, – мрачно пообещал Стефан, хотя не мог не заметить красоту вековых елей, опустивших лапы под тяжестью снега, скачущих по ним ярко-рыжих белок, красногрудых птичек, настороженно следящих за путниками.

– Никогда не был в этой части Закряжья. Я дальше Веркона вообще не заходил. Непонятно, что люди делают в такой глуши.

– Живут, – просто ответил Стефан. Если положить руку на сердце, то он тихо радовался, возвращаясь в с детства знакомые места. Как оказалось, он скучал по нетронутой природе, по тишине, по еловому духу.

Крепость открылась внезапно. Выступила из-за скалы, как строгий страж. Черные камни, знавшие огонь, основательные башни, щерящиеся бойницами, кряжистый мост. В мирное время его не поднимали.

– Для чего здесь, в глуши, такое укрепление? – удивился Касл.

– Когда-то там, в конце ущелья, проходила граница Закряжья, – Стефан кивнул головой в сторону тонущих в тумане скал. – Пока мой прадед вместе с лордом Кречетом не присоединил дикие земли к нам. Оттуда лезла всякая нечисть.

– Зря старались Хорры с Кречетами, – барон скривил лицо. – Зря проливали кровь, если все захапал Вильхельм Второй.

– Право сильнейшего, – Стефан пожал плечами.

Заслышав цокот копыт по деревянному мосту, из бойницы высунулась голова стражника. Ворота были основательно заперты. Иного Стефан и не ожидал. Здешние места были богаты диким зверьем.

– Кто изволил пожаловать? – строго поинтересовался бо-

родатый мужик. Эхо, нарушившее тишину, заставило с шелестом осыпаться с елей снег. В ущелье каждый звук отражался гулко.

– Хозяйка дома? – щерясь в улыбке, спросил Стефан. – Соскучился. Хотел бы увидеть ее.

Голова исчезла. Через некоторое время раздался выстрел, и у ног коня Стефана деревянное покрытие вздыбилось щепками.

– Узнаю руку леди Луизы, – улыбка на лице графа сделалась еще шире.

– Как-то странно нас встречают, – барон заставил свою лошадь попятиться.

– Нормально встречают. Как давнего врага. Если меня здесь убьют, сразу уезжай. Она сама позаботится о моих похоронах. Не смей геройствовать. Это приказ, – не оглядываясь на друга, сообщил Стефан.

Он смотрел на каменную кладку над воротами. Там вскоре появилась женская фигура, на плечи которой был наброшен меховой плащ. Темные вьющиеся волосы, белое лицо, румянец то ли от мороза, то ли от ярости.

Стефан залюбовался ею. Гордая, красивая. А ведь Луиза была всего на год младше, должна была бы быть замужем и с кучей детей. Правильно предупреждал Касл. Пришло время узнать.

– Ты все еще Кречет или сделалась домашней курицей? – голос Стефана лучился весельем.

– Проваливай откуда пришел.

Стефан рассмеялся. Нет, она все еще Кречет. Была бы за мужем, сейчас за ее спиной вырос бы защитник. Не позволил бы вести беседы с врагом, не показав графу Хорру, кто здесь истинный хозяин.

– У меня к тебе всего один вопрос, – Стефан сделал паузу, наблюдая, как она перезаряжает ружье. В этом она вся. Не словами, а действиями показывает, что гостям следовало бы убраться до второго выстрела. И лучше бы не задавать глупых вопросов, которые могут расстроить хозяйку крепости. – Лиззи, ты выйдешь за меня замуж? Только коротко, без проклятий и неприличных слов – да или нет?

Вопрос застал Луизу Кречет врасплох. Она перестала возиться с ружьем и посмотрела на лорда Хорра.

– Нет.

– Что? Не слышу? – довольный, он приложил руку к уху. – Повтори еще раз.

– Нет, нет и нет.

– Лиззи, я обожаю тебя. Спускайся, поговорим начистоту. Мы можем очень быстро завершить дело...

Он не успел договорить. Последовал второй выстрел. Конь под седоком храпнул и поднялся на дыбы. Стефану стоило немалых усилий, чтобы удержаться в седле. Услышав перестук копыт за спиной, граф понял, что лошадь барона, испугавшись, понесла того в лес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.